

Н.В. ГОГОЛЬ В ПУБЛИЦИСТИКЕ А.А. БЛОКА

Ю. Гунькина

Анализируются суждения А. Блока о Н. Гоголе на материале публицистических выступлений поэта – очерков, статей, речей. Особое внимание уделяется интерпретации гоголевского образа-символа России “птица-тройка”, созвучного творчеству А. Блока.

Ключевые слова: публицистика; творческая индивидуальность; художественный мир; “птица-тройка”.

Гоголь – один из любимых писателей Блока. “Перечитал очень много Гоголя и пришел в совершенный восторг, – сообщал Блок в письме к А.В. Гиппиусу от 13 августа 1901 г. – Отныне буду любить его и чтить, чего прежде не делал по недоразумению” [1, 16].

Действительно, в статьях, записных книжках и письмах Блока содержатся цитаты или упо-

минания о множестве произведений Гоголя. В их числе: поэма “Мертвые души”, повести “Сорочинская ярмарка”, “Майская ночь, или Утопленница”, “Страшная месть”, “Тарас Бульба”, “Записки сумасшедшего”, “Портрет”, комедия “Женитьба”, книга публицистики “Выбранные места из переписки с друзьями”. Весь этот литературный материал был переплавлен в творче-

ском сознании Блока и получил разностороннее выражение в его художественном, публицистическом и эпистолярном наследии.

Предметом нашего рассмотрения является публицистика Блока – те очерки, статьи, речи, в которых содержатся оценочные суждения о Гоголе, его творческой индивидуальности и художественном мире. Наша цель – систематизировать эти суждения и сделать определенные обобщения. Объем материала – 16 источников, в числе которых такие известные статьи, как “Народ и интеллигенция” (1908), “О современном состоянии русского символизма” (1910), “Интеллигенция и революция” (1918), “Крушение гуманизма” (1919), “Без божества, без вдохновенья” (1921). Одна статья – “Дитя Гоголя” (1909) – написана Блоком к 100-летию со дня рождения великого русского писателя [2, 3].

Прежде всего, Блок делает попытку осмыслить место Гоголя в истории русской литературы. Эта попытка предпринята уже в одной из первых его публицистических статей – “Безвременье” (1906) в разделе третьем под названием “Русская литература”.

“Передо мной вырастают два демона, ведущие под руки третьего – слепого и могучего, пребывающего под страхом вечной пытки. Это – Лермонтов, Гоголь и Достоевский” [2, 30].

Лермонтов предстает в образе скучающего демона, находящегося в окружении тумана и “бесплотных видений”, взвизгивающих на него “из-под таинственной холодной полумаски” [2, 30].

Гоголь же – “востроносый колдун”, “зарывшийся в необозримые ковчиги степей украинских”. Блок акцентирует внимание на образе веселого казака из “Страшной мести”, который на глазах преобразился в старика. Именно таким представляется Блоку “колдун и забавник Гоголь”, которому, как и его двойнику, “вдруг стало видимо далеко во все концы света” [2, 32].

“Достоевский, как падучая звезда, пролетает в летучих туманах Гоголя и Лермонтова; он хочет преобразить несбыточное, превратить его в бытие, и за это венчается страданием” [2, 33].

Таким образом, Лермонтов и Гоголь в этой “великой триаде” “хитрые и мудрые колдуны”, которые “смотрели с вещей улыбкой на кружение мглы, на вертящийся мир, где были воплощены не они сами, а только их двойники” [2, 33].

В других статьях Блок варьирует гоголевское окружение, вовлекая в него новых писателей.

В статье “Судьба Аполлона Григорьева” (1915) Блок ставит имя Гоголя рядом с именем

Державина [2, 197], а также упоминает Гоголя в числе предшественников А. Григорьева, открывших ему то “безотчетно неодолимое, что тянет каждого человека к земле его” [2, 210].

В статье “Интеллигенция и революция” (1918) Блок, говоря о современной ему “России – буре”, вновь возвращается к двум “демонам” – Гоголю и Достоевскому: “...передо мной – Россия: та, которую видели в устрашающих и пророческих снах наши великие писатели; тот Петербург, который видел Достоевский; та Россия, которую Гоголь назвал несущейся тройкой” [2, 229]. Здесь же Блок выстраивает ряд “великих художников русских”, которые “погружались во мрак, но они же имели силы пребывать в этом мраке: ибо они верили в свет” [2, 233]. Это: Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой.

В статье “Размышления о скудности нашего репертуара” (1918) Блок называет Россию “странной Грибоедова, Пушкина и Гоголя” [2, 307], подчеркивая, что “трагические прозрения” драматургов Грибоедова и Гоголя “остались: будущим русским поколениям придется возвращаться к ним” [2, 310]. Кстати, в статье “О театре” (1908) Блок высоко оценивает гоголевскую комедию “Женитьба”, относя ее к “высокому искусству” и видя в Гоголе продолжателя жанра комедии после Фонвизина.

Определяя место Гоголя в истории русской литературы, Блок проводит мысль о художественном воздействии Гоголя на современную литературу.

В статье “Безвременье” (1906) Блок пишет: “...два современных писателя, о которых я хочу сказать, более близки к Лермонтову и Гоголю, чем к Достоевскому. От первых перешла к нам мудрость, от второго, может быть, – только опыт его страдания” [2, 33]. Два этих писателя – Зинаида Гиппиус и Федор Сологуб.

В статье “Народ и интеллигенция” (1908) Блок, защищая М. Горького, автора повести “Исповедь”, от оппозиционной критики, проводит параллель Горький – Гоголь: «В “Исповеди” Горького ценно только то <...> что роднит Горького <...> с Гоголем <...> с духом “народа”. Это и есть любовь к России в целом...» [2, 108].

В статье “Без божества, без вдохновенья” (1921) Блок, развивая мысль о “синтетической культуре” современной ему России, в которой “писатель должен помнить о живописце, архитекторе, музыканте; тем более – прозаик о поэте и поэт о прозаике”, приводит несколько “примеров благодетельного для культуры общения”: “Пушкин и Глинка, Пушкин и Чайковский, Лер-

монтов и Рубинштейн, Гоголь и Иванов, Толстой и Фет” [2, 422].

Определив место Гоголя в истории русской литературы и сказав о значении его творчества для современной литературы, Блок сделал заявку на выявление творческой индивидуальности Гоголя через гоголевский образ “птицы-тройки”, символизирующий Россию, Русь. Этой заявкой явилась статья “Дитя Гоголя”, в основу которой положена речь, произнесенная 19 марта 1909 г. по случаю 100-летия со дня рождения писателя в зале Дворянского собрания в Петербурге.

“Если бы сейчас среди нас жил Гоголь, – начинает Блок, – мы относились бы к нему так же, как большинство его современников: с жутью, с беспокойством и, вероятно, с неприязнью: непобедимой внутренней тревогой заражает этот, единственный в своем роде, человек: угрюмый, остроносый, с пронзительными глазами, большой и мнительный” [2, 130].

Дав нам лирически стилизованный образ-портрет Гоголя, Блок продолжает: “Источник этой тревоги – творческая мука, которую была жизнь Гоголя <...> Когда Гоголь мучился, бесильный создать желаемое, и годами переписывал свои творения, безжалостно уничтожая гениальное, бросая на середине то, что для нас неоцененно и лишь для его художественной воли сомнительно; когда Гоголь мечтал о “великих трудах” <...> когда он слушал все одну, отдаленную и разрастающуюся, музыку души своей – бубенцы тройки и вопли скрипок на фоне однообразно звенящей струны <...> тогда уже знал Гоголь сквозь все тревоги, что радость и раздирающая мука творчества суждены ему неизбежно” [2, 130 – 131].

И вот – “в полете на воссоединение с целым, в музыке мирового оркестра, в звоне струн и бубенцов, в свисте ветра, в визге скрипок – родилось дитя Гоголя. Этого ребенка назвал он Россией. Она глядит на нас из синей бездны будущего и зовет туда. Во что она вырастет, – не знаем; как назовем ее, – не знаем” [2, 133].

Образ гоголевской “птицы-тройки” фигурирует в нескольких статьях Блока – и каждый раз интерпретируется в новом контексте. Так, в статье “Ирония” (1908) Блок, характеризуя девятнадцатый век (“ужасающий век”, “блистательный и погребальный век”), находит еще один эпитет – “металлический век, когда “железный коробок” – поезд железной дороги – обогнал “необгонимую тройку”...” [2, 102].

В статье “Народ и интеллигенция” (1908) Блок, рассуждая о взаимном непонимании меж-

ду этими социальными полюсами, в качестве решающего аргумента использует образ гоголевской тройки:

«Тот же Гоголь представлял себе Россию летящей тройкой. “Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ”. Но ответа нет, только “чудным звоном заливаешься колокольчик”».

Тот гул, который возрастает так быстро, что с каждым годом мы слышим его ясней и ясней, и есть “чудный звон” колокольчика тройки. Что, если тройка, вокруг которой “гремит и становится ветром разорванный воздух”, – *летит прямо на нас?* Бросаясь к народу, мы бросаемся прямо под ноги бешеной тройке, на верную гибель.

“...” Можно уже представить себе, как бьют в страшных снах и кошмарах, что тьма происходит оттого, что над нами нависла косматая грудь коренника и готовы опуститься тяжелые копыта” [2, 113 – 114].

Блок множество раз цитирует лирические отступления о “птице-тройке” из поэмы “Мертвые души”. А в статье “Дитя Гоголя” приводит отрывок из повести “Записки сумасшедшего”: «“Спасите меня! Возьмите меня! – кричит замученный Поприщин <...>. – Дайте мне тройку быстрых, как вихорь, коней! Садись, мой ямщик, звени, мой колокольчик, взвейтесь, кони, и несите меня с этого света! Далее, далее, чтобы не видно было ничего, ничего!”». “Это крик самого Гоголя, которого схватила творческая мука”, – комментирует Блок [2, 131].

На основании отмеченного выше полагаем, что, во-первых, Гоголь в творческом сознании Блока-публициста является величиной постоянной; во-вторых, оценочные суждения Блока о Гоголе имеют самый высокий рейтинг; в-третьих, дальнейшее изучение темы “Блок и Гоголь” связано с анализом эпистолярных, мемуарных и художественных источников, принадлежащих Блоку [3].

Литература

1. Блок А.А. Письмо А.В. Гиппиусу от 13 августа 1901 г. // Собр. соч.: В 6 т. – Т. 6. Письма. 1898–1921 / Сост. Вл. Орлова; Примеч. и подготовка текста М.И. Дикман. – Л.: Худож. лит., 1983.
2. Блок А. А. Очерки. Статьи. Речи. 1905–1921 // Собр. соч.: В 6 т. – Т.4 / Сост. Вл. Орлова; Примеч. Б. Аверина. – Л.: Худож. лит., 1982.
3. Блок А.А. Вопросы, вопросы и вопросы // Собр. соч.: В 8 т. / Под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. – Т. 5. Очерки, статьи, речи. – Л.: Гослитиздат, 1962.